

Валентин РЕЗНИК

ЮРА

Только что закончилось происходившее в большом зале ЦДЛ обсуждение сборника «День поэзии» за 1979 год. После окончания мероприятия народ хлынул кто в ресторан, кто в буфет, а большинство — в раздевалку.

Надо сказать, я впервые присутствовал на собрании, где были одни писатели. И я не только слушал выступающих, сколько вертел головой и рассматривал известных мне по книгам и выступлениям письменников. Прямо передо мной сидела Маргарита Алигер. Глядя на нее, я вспоминал строчки поэта: «Двадцать лет нечаянно ты живешь на свете. Тут тебя убили бы двадцать лет назад». Должен сразу оговориться, что цитирую по памяти и не исключены накладки. Чуть дальше от Алигер высился Александр Иванов, как подсолнух на огороде. Известный пародист. Мечта многих стихотворцев — попасть на кончик его пера и тем самым увековечить свою популярность.

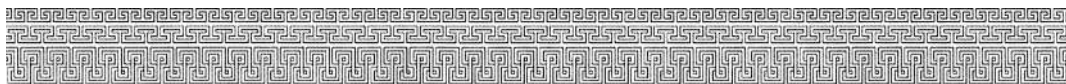
Много позже, после выхода моей «совписовской» книжки, у памятника «Героям Победы» Юра познакомил меня с человеком из «сатирического цеха». Он-то мне и сообщил, что видел верстку ивановской пародии на мои стихи. Увы, все мои попытки обнаружить этот рудимент моей популярности ни к чему не привели.

Попал я на обсуждение «Дня поэзии» в качестве автора. Составителю Надежде Кондаковой удалось напечатать мое стихотворение:

ОТЦУ

Ни чинов, ни регалий не нажил,
И сундук не трещит от вещей.
Только годы партийного стажа —
Вот и все, что в кубышке твоей.
Не герой положительной повести,
Не плакатной души человек —
Жил ты все-таки очень по совести
В свой не очень-то совестный век.
И в глаза твои чистые глядя,
Я в молчанье к тебе подхожу.

И волос побелевшие пряди,
Словно знамя, к губам подношу.

В очереди, в раздевалку я увидел знакомого мне по посещению разных литературных студий, объединений и семинаров Вадима Ковду. Он беседовал с небольшого роста человеком, очень напоминавшим Павла I или Махно в исполнении Бориса Чиркова в фильме «Александр Пархоменко».

— Привет, Вадим.

— А, Валя! Знакомьтесь. Поэт Валя Резник, — рекомендует меня Вадим.

Хотя я и сейчас чувствую себя не очень удобно, слыша в свой адрес «ПОЭТ».

Стать бы вновь молодым человеком,
Никогда не писавшим стихов,
И по всем снисходительным меркам
Не свободным от груза грехов.
Жить бы, не привлекая вниманья
Сослуживцев, знакомых, родных,
И на тему о пользе призванья
Не плодить разговоров пустых.
Лишний раз не томиться в театре,
И хоккеем не менять на балет,
И вовеки не слышать в свой адрес
Затрапезное слово «ПОЭТ».

А тогда... Похожий на Павла I человек протягивает руку:

— Юра.

И дальше...

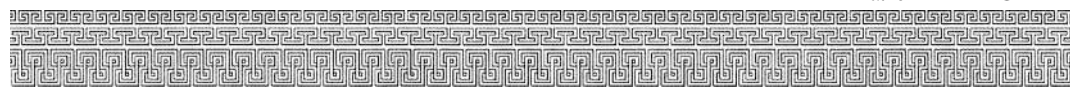
— У Вас, кажется, были стихи об отце?

Я несколько опешил. Запомнить среди такой стихотворной массы строки не самого высокого качества... «Акт вежливости», — подумал я про себя. Никакой оценки публикации не произошло.

Уже позже я подметил Юрину черту: он характеризовал только те стихи, которые ему нравились, а те, что оставляли равнодушным, он, как правило, оставлял без комментариев.

Юре я обязан несколькими крупными публикациями в «Вечерней Москве», «Независимой газете», в журнале «Нева». После его рекомендации я

стал автором этого ленинградского издания. «Нева» — единственное место, где меня ни разу не «завернули». Помимо стихов журнал с «колес» опубликовал мою рецензию на книгу Михаила Поздняева «Белый тополь». Юра много у меня выбирал для публикаций, но гораздо больше отвергал. Просто откладывал тексты не удовлетворявших его стихов в сторону. Стихи же, остановившие его внимание, быстро пробежал глазами еще раз и, исправив пунктуацию, помечал неточные, на его взгляд, рифмы, эпитеты, сбои ритма двумя черточками. Двухэтажная правка. Никогда не объяснял и не мотивировал «брак». Я иногда с ним не соглашался. «Ну, тебе виднее. Сам насрал — сам и ешь». Это единственное ненормативное изречение, которое я услышал из его уст. Причем это слово соскакивало у него с языка порой и в присутствии моих женщин — жены и дочери. Но оно как-то не звучало срамно в его исполнении.

После того первого знакомства мы изредка встречались. Главным образом, в журналах «Октябрь» и «Юность», где я тогда подрабатывал рецензиями. У меня осталось ощущение, что Юра ходил в одной и той же экипировке. Потертый, мятый, лоснящийся костюм. Если дело происходило осенью или зимой, то гардероб прирастал «полупердончиком» — черным бобриковым поколенным пальто. Неотъемлемой частью Юры был и его портфель, всегда набитый книгами, рукописями и продуктами для дома. Иногда среди продуктов попадался «дефицит» — это для Илюшеньки. Так звали в семье сына Илью.

Сблизились мы с Юрой после выхода моей первой книжки «Возраст». Вскоре Юра напечатал на нее рецензию в журнале «Октябрь», что дало повод для «обмывки». Событие происходило в шашлычной на Старом Арбате, расположенном напротив букинистического магазина. Место знаковое. В ЦДЛ «безбилетников» не пускали, и эта шашлычная стала для нас местом застольных встреч.

Будучи прирожденным собеседником, правда, «монологического» типа, Болдырев как едок просто возмущал мое детдомовское прошлое. Ел он мало, медленно. Лариса, моя жена — отменная кулинарка — старалась к его приходу приготовить что-нибудь вкусенькое. Переживала Юрино малоедство. Создавалось впечатление, что ему было все равно, что есть. Только при виде российского деликатеса — картошки с селедочкой — Леонардович оживлялся: «Ну-с! Начнем-с!», — потирая при этом ладошки.

«Какая песня без баяна, а картошка с селедочкой без рюмки сорокоградусной». Но и питок он был не ахти. Редко залпом выпивал содержимое рюмки, что давало повод моей Пенелопе бросить камушек в мой огород. Вот, мол, как пьют

культурные люди. Зато говорить Юра любил. В нем было что-то от наставника, педагога, лектора. Он, пожалуй, единственный из моих собеседников, с которым я почти никогда не спорил. На глазах жены — это исключалось. Иногда, видя, что я пытаюсь что-то возразить, Ларка «делала глаза» и, чтобы усилить эффект, нажимала мне энергично под столом на ногу. Она не очень понимала, какое место занимал Болдырев в литературе. С Юркой их объединяло чувство юмора и любовь к спортивным зрелищам. Обсуждая очередной футбольный или хоккейный матч, выступления фигуристов или теннисистов, они отводили душу. И тут, в отличие от меня, она и перебивала, и наставляла, и навязывала... Хотя ни тот, ни другой никакими физкультурами не злоупотребляли. За Ларку — ручаюсь.

Как «жаворонок» я ложусь рано и встаю рано. Бывало, первый сон перебивал ликующий, а то и переходящий в хохот, разговор по телефону (это, когда у Юры появился сей двигатель прогресса). Я уже знал: на проводе Болдырев.

Все, что касалось кроссвордов, особенно литературного характера, тоже вызывало интерес с обеих сторон. Тут Юрина помощь была неоценима. Для разминки спросив у меня, что есть что, и не удовлетворив своего любопытства, жена бесцеремонно набирала Юрин телефон и, лишний раз пройдясь по интеллекту супруга, получала всю информацию от Болдырева. До сих пор, «раскучурочивая» свои кроссвордные квадратики, вздыхает: «Эх, Юры нет!»

Нашему сближению с Юрой способствовало мое «книжничество». Я только незадолго до его смерти (он вообще был скуп на информацию) узнал, что в молодости он был директором книжного магазина в Саратове. Так же случайно через несколько лет после нашего знакомства узнал, что он верующий. Крестил его Александр Мень. Это имя мне тогда ничего не говорило, о чем я не преминул Юре доложить. Уж не знаю, что он на мой счет подумал, но никаких комментариев, обличающих мое невежество, не последовало.

То, что Юра верующий меня почему-то не удивило. Он, мне кажется, был настоящим христианином, а не казался, не прикидывался. Кстати, зная о моем атеизме, никогда не заводил «душеспасительных» разговоров.

Он был бесребреник. Он разбазаривал, раздаривал главное свое богатство — время. На одного меня он ухлопал его столько, что хватило бы на целую книгу. А ведь он возился не только с моими рукописями. Как только Юра устраивался на какое-нибудь, как правило, временное место работы в качестве литсотрудника, раздавался его телефонный звонок: «Валюша! Запиши телефон и неси стихи!»

Конечно, главным его поэтом был Борис Абрамович Слуцкий. Я тоже любил его творчество, начиная со сборника «Время».

Помню, шел на работу во вторую смену на свой «Машиностроитель» и по дороге, как всегда, не преминул завернуть в книжный магазин на Пресне. В кармане пять рублей (цены 1959 года) на ужин. В отделе поэзии вижу сборник стихов Слуцкого. О Слуцком я знал, в основном, по знаменитой рецензии Эренбурга, из которой помнил почти все процитированные стихи: «Шел фильм, и билетерши плакали, семь раз подряд над ним одним. И парни девушек не лапали, поскольку стыдно было им». Я открыл «Время» и забыл о времени. Заплатив пол-ужина за книгу, я уже по дороге бормотал: «Засыпаю, а это значит: засыпает меня как песок, сон, который вчера был начат, но остался большой кусок...», «Солнце! Всеми тучами грянь! Ветер! Суши росу!... Ах, какая бывает рань в прифронтовом лесу...», «Я носил ордена. После планки носил. А потом гимнастерку до дыр износил и надел заурядный пиджак. А вдова Ковалева все помнит о нем, и дорожки от слез — это память о нем, столько лет не забудет никак!»

Господи! Да остановите меня кто-нибудь!...

Слуцкого я видел несколько раз. Первый — у Главпочтамта на улице Горького. Он был в китайском, салатного цвета, плаще. Без головного убора.

— Смотри, Слуцкий, — сказал я своему приятелю, с которым прогуливался.

Приятель, его звали Ярослав, и он тоже «грешил стишками», решительно направился в сторону поэта.

— Старик, неудобно!

— А чего неудобно-то?

Ярослав, кстати, по внешности напоминал Велемира Хлебникова, правда, без хлебниковской застенчивости. И вот уже в наступательном темпе, спросив, предварительно разрешения почитать и получив его, он обрушил на Слуцкого свое творчество. Конечно, я смотрел на поэта во все глаза. Мне было интересно, как он оценит, вообще-то, не подлежащие положительной оценке опусы моего друга. После того как чтение было закончено, последовала краткая рецензия: «Вы еще будете писать хорошие стихи». Зная дальнейшую творческую судьбу Ярослава, могу сказать, что пророчество Бориса Абрамовича подтвердилось.

Тогда же он рассказал нам о готовящемся альманахе «Тарусские страницы».

В следующий раз я видел Слуцкого на похоронах Светлова. Он сидел в прихожей Центрального дома литераторов на кушетке рядом с Грибачевым.

Это напоминало двуглавого орла. Отвернув головы друг от друга, они смотрели в разные стороны.

Помню еще одну мимолетную встречу. В Коктебеле, в сентябре 1965 года. Слуцкий шел, вероятно, с женой по ленте прибоа.

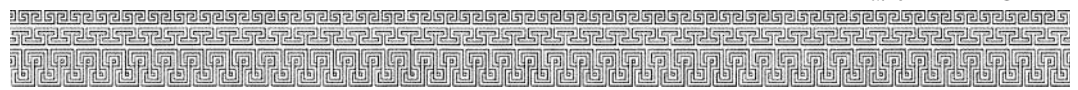
И последний раз я видел его на похоронах Эренбурга, когда он направлялся от могилы в сторону выхода.

Незадолго до этого я прочел в «Комсомольской правде» стихи Вадима Ковды с врезкой Слуцкого. Вадим и мне посоветовал обратиться к поэту. Вряд ли я, в силу своей закомплексованности, решился бы на такой шаг, несмотря на то, что у меня уже был опыт обращения к известному стихотворцу на предмет чтения на ходу своих стихов. Дело в том, что я жил тогда недалеко от букинистического магазина, находящегося на Ленинском проспекте. Там неоднократно встречал Сергея Наровчатова — запойного книжника. Наровчатов допускался, в отличие от нас, грешных, прямо к открытым стеллажам. Помню том с золотым обрезом в руках поэта. «Отследив» Наровчатова после выхода из магазина, подошел к нему и попросил разрешить почитать ему свои стихи, оговорив условие, мол, если первое стихотворение не понравится, чтение заканчивается. Была у меня такая «домашняя заготовка» и был «паровозик» — «Гамлет». Этот «паровозик» всегда вывозил. Вывез и сейчас. Начав с «Гамлета», я благополучно, не прерываемый Наровчатовым, дочитал довольно большую, только что сочиненную подборку. После прослушивания Наровчатов спросил: «Сколько вам лет?» «Двадцать восемь». «А давно пишете?» «Начал в девятнадцать». «Поздновато. Поэт должен начинать рано. Вот Оля Берггольц пишет с шести. Вознесенский припозднился -- с четырнадцати. Если бы вам было лет двадцать, я бы постарался вам помочь». Я поблагодарил Сергея Сергеевича и... «Ему в бессмертье, мне — домой».

Уже догоняя Слуцкого у самого выхода с кладбища, я еще не решил для себя окончательно (уж больно обстановка не благоприятствовала знакомству), обращаться к нему или нет. Но, поравнявшись с поэтом, скорее автоматически, стал излагать свою просьбу. Борис Абрамович остановился: «Ну, сейчас, сами понимаете... Бумаги. Архив (имелась в виду работа с литературным наследством Эренбурга). А так... Запишите телефон. Звоните». Увы, никакого звонка с моей стороны не последовало, проклятая застенчивость.

Через несколько месяцев после смерти Бориса Абрамовича — звонок Юры: «Валюша, подъезжай на Пятницкое кладбище. Там состоится захоронение

урны с прахом». Я приехал. Юра подвел меня к группе людей. С некоторыми из них мы были знакомы. В основном, шапочно. Помню Евгению Ласкину, Олега Хлебникова, Таню Бек... Был брат Слуцкого с дочерью.

Ждали урну. Вскоре появился Давид Самойлов в сопровождении полковника бронетанковых войск. Это был давний, еще с харьковских времен, друг Бориса Абрамовича. Открыли траншею, в которой находилась урна, похожая на ту, что держал в руках полковник. После водворения праха поэта траншею закрыли листом рубчатого железа, забросали землей. Потом несколько минут молчаливого прощания. Впереди основной группы — маленький, лысоватый, в очках с линзами на растерянном лице Самойлов.

Вся группа, кроме Самойлова, поехала в ЦДЛ на поминки. Сдержанные слова печали и обещания не забывать.

Через несколько лет в той же могиле будет захоронена и жена Юры Люся. Раза два я со своим другом Сергеем Поташовым приходил на Пятницкое. Весь вид могилы свидетельствует, что паломничество ей не грозит.

В местах проживания Юры я бывал не часто. Помню, где-то в районе метро Новогиреево. Кажется, год восемьдесят четвертый. Там я впервые познакомился с Люсей, женой Юры. Увидел сына. Его так и звали: Илюшенька.

Люся была худая, болезненного вида женщина. Как и Юра, она курила. Мне, некурящему, приходилось несладко, когда они в два «ствола» начинали дымить. Люся была не только главой семьи в бытовом смысле (хозяйство, готовка, уборка), но, как мне показалось, стремилась и в литературной, духовной сфере исполнять ту же роль. Здесь я увидел Юру не столько ведущим сольную партию в беседе, сколько поддакивающим «своей Люсеньке». Тогда же я впервые услышал из уст Люси и Юры (они читали, перебивая друг друга) «гарики» Губермана. Были удивлены, что я не совсем разделял их восторг по поводу губермановского хохмачества.

Предпоследнее место его проживания оказалось под Загорском. Дом, в котором обитала семья Болдыревых, находился в аварийном состоянии, впрочем, как и весь их быт. Имелись соседи. Сама комната — метров десять...

Я немало повидал в послевоенной Москве битком набитых коммунальных клетушек. В них ютилось большинство моих одноклассников, однодворников, друзей и знакомых по производству. Но такого... У меня сохранилось впечатление чулана, заставленного мебельной рухлядью. Библиотека Юры располагалась в коридоре, упакованная в картонные ящики. Некоторые из ящиков

были вскрыты. Вероятно, там находились нужные для работы книги. Более прилично выглядел стол, придвинутый к самому окну. Он же выполнял роль обеденного. В окно были видны грядки. Скорее всего, соседские. За грядками — более чем пахучее строение. Когда наступило время сна, пришлось прибегнуть к перестановке «мебели». Что-то вынести, что-то передвинуть.

Как он работал в таких катастрофических условиях? Моему другу Сергею Поташову он признался, что для работы ему нужна полная изоляция. При всем при том, я никогда не слышал от Юры жалоб на бытовые условия.

После смерти Бориса Абрамовича Слуцкого Юра несколько месяцев жил в его квартире. Запомнился громадных размеров нестандартный почтовый ящик на дверях. Дом барачного типа. Такие дома, построенные военнопленными немцами, были в восьмидесятые редкостью. И только полным равнодушием к «условиям» да нежеланием выбивать что-либо для себя можно было объяснить это, во многом похожее на Юрино, подзагорское местожительство поэта. И какого поэта!

В квартире главной достопримечательностью были книжные стеллажи. Открытые. Книги стояли в два ряда. «Валюша, можешь взять любую книгу». Я сгоряча схватил пиксановскую биографию Тютчева. Но дома, ознакомившись с этой нудноватой нетленкой, в следующий раз попросил замены. Исследуя второй ряд, при попытке отовариться за счет библиотеки Бориса Абрамовича, выбрал раритет, Это был томик Михаила Кузмина, издательство «Шиповник», 1916 год.

В конце восьмидесят шестого Юра наконец-то получил нормальное жилье — трехкомнатную квартиру в Красногорске. Как он мне рассказывал, получению этого жилья во многом способствовал Феликс Кузнецов. Юра всегда помнил это благо, совершенное тогдашним первым секретарем московской писательской организации. И хотя позднее они оказались по разные стороны баррикад, это никак не отразилось на его благодарном отношении к Феликсу Феодосьевичу.

Для Юры вообще было характерно нормальное отношение к людям другой политической и эстетической направленности. Даже и к тем, кого принято называть радикалами. Помню, он готовил подборку стихов Слуцкого для «Нашего современника». Особенно эту акцию Юра не афишировал. Видимо, заранее зная определенную дискомфортную реакцию в иных кругах. А ему просто хотелось как можно шире издать наследие поэта. Не играть в одни издательские ворота. Тем более известно, что редактор этого журнала был почитателем и даже учеником Слуцкого. После публикации мне пришлось

утешать Юру словами Фета, который говорил примерно следующее: что готов печататься в газете даже с трехбуквенным названием. Мол, поэзия облагородит любое издание, к какому бы направлению оно ни принадлежало.

Тогда же я рассказал Юре, что стихи Станислава Куняева иногда провоцировали меня на иные из моих опусов. Об этом в свое время я признавался и Наде Кондаковой. В рецензиях и отзывах на мои стихи нередко указывалось влияние тех или иных поэтов. Имени Куняева среди них нет.

...Знает кошка, чье мясо съела. Помню шок, произведенный на меня публикацией в журнале «Горизонт» стенографического отчета собрания московских писателей, на котором Пастернака исключали из Союза. Со многими выступающими было все ясно. Даже мартыновское не вызывало возражения. А тут Слуцкий! Его выступление не укладывалось, думаю, не только в моей голове. В инвективном духе я сообщил Юре свое впечатление от выступления Слуцкого на злополучном собрании. «Валюша! При встрече поговорим». Но сам Юра старался этой темы не касаться, и я, понимая, как ему самому нелегко переносить этот факт биографии Бориса Абрамовича, никогда этот вопрос не поднимал. Сам поэт извинил себя тридцатилетней мукой, в отличие, скажем, от того же Мартынова.

Но возвращаюсь если не к Юре, то к Слуцкому. Он сам написал и ответил за содеянное: «Получаю все, что положено за свое персональное зло. Так хотелось, чтоб по-хорошему, но не вышло. Не прошло».

Будь я знаком с тем стенографическим отчетом в шестидесятые-семидесятые годы... Тогда я нередко встречался с Леонидом Мартыновым, в основном, в книжном магазине недалеко от Московского университета. Разница была только в том, что я знал, кто такой Мартынов, а он обо мне не имел никакого представления... Хотя вряд ли у меня хватило бы прокурорской смелости задавать одному из моих любимых поэтов неудобные вопросы. Мы уже раскланивались, но все-таки я не решился на знакомство. Было интересно наблюдать его поход в книжный магазин. Обычно это был, если не ошибаюсь, вторник. День поступления новинок. Мартынов входил с хозяйственной сумкой, похожей на лодку, в масштабе примерно один к десяти. И, начиная с детского отдела, проходил быстро вдоль прилавков и покупал практически все поступившие на этот день новинки по разным отраслям знаний. Эта всеядность потрясала меня и восхищала.

Настал день переезда Юры в свой «угол». Переезжал он из квартиры Слуцкого. Помогала целая бригада: Володя Леонович, Саша Юдахин, Сергей По-

ташов, Сережа Надеев, кто-то из прозаиков (не помню имени) и я, грешный. У Юры после того переезда остался громадный письменный стол Слуцкого. Эта вещица доставила нам хлопот. Ни в какой лифт многоуважаемый стол не влезал, и в итоге (хорошо еще, что лестничные проемы позволяли) мы перли это «сокровище» на девятый этаж. Туда же переехал и холодильник, подаренный Юре Таней Бек. Они были друзьями. И мне кое-что перепало от их дружбы в виде нескольких встреч за хлебосольным Таниным столом, разговорами, где я больше слушал и, как оказалось, не очень-то наматывал на ус. Таня была многостаночница. Помимо того, что один из интересных современных поэтов, она еще и блестящий эссеист, и критик, и мемуарист.

В качестве одного из составителей тома стихов Константина Симонова в большой серии она подарила мне экземпляр с надписью «Вале Резнику, понимающему, что Симонов — поэт, а это редко... Я тоже так считаю. Таня. 3.Х.83г.

Татьяне я обязан одним из самых резких разговоров в моей жизни. В период, когда у меня дуплетом произошли два невеселых события (зарубили книгу в «Современнике», стоявшую в тем. Планы, и завалили на последней стадии в приемной комиссии Союза писателей). Несколько избалованный вниманием, что оказано мне было по выходе совписовского сборника и последующих публикаций, я был излишне благодушно настроен. И когда случилось то, что случилось, я «поплыл». Позвонил Бек. И она мне выдала такое... Спасибо!

В те же «дуплетные» дни, чтобы как-то уравновесить их, произошёл и ещё случай. Звонок по телефону. Молодой голос с грузинским акцентом. «Валентин Борисович, я из Гори. Я прочел вашу книгу «Возраст». Она мне очень понравилась. Хотя стихами я не интересуюсь, но вашу лирику читаю девочкам как свою». Он назвался племянником главного редактора издательства «Заря Востока». Попросился в гости. Приезжает. Продолжает рассказывать: «Я работаю экскурсоводом в мемориальном музее Сталина и читаю Ваши стихи «А мертвые хлеба не просят...» — «Но они же посвящены памяти Николая Рубцова!» — «Нэ имээт значения!»

Чертовщина какая-то! Книга зарублена. Приемная комиссия завалила, а у меня на тахте сидит не интересующийся стихами молодой грузин и шпарит наизусть «Возраст»!

Переезд Юры в Красногорск совпал с перестройкой. Юра был «весь в Слуцком». Пошли большие публикации подбородок поэта: в «Знамени», «Новом мире», «Октябре», «Звезде», «Неве». Легче назвать популярное издание, где

не было публикаций поэта. Поражало количество и качество произведений. Пошли и заграничные издания.

Знаменитый болдыревский гроссбух в виде записной книжки с выпадающими страницами: «Валюша, ты там во время своих книжных походов, пожалуйста, посмотри...» Дает список интересующих его изданий.

Лучшим подарком для него была книга, которой у него нет. На пятидесятилетие я подарил ему из своих дубликатных запасов Гердера.

В перестроечное время Юра начал формироваться как один из лучших публицистов. Почти все статьи он мне показывал до публикаций. Лишний, свежий, незамысленный глаз не помешает. «Валюша, подъезжай на наше место». Это значит: «Лавка писателей», после посещения которой Юра просил «половить блох» в только что написанной статье. Нужно признаться, что, как правило, дело обходилось минимальным вмешательством. А предварительный заход в «Лавку» выглядел чем-то вроде поощрения. Он был уже членом Союза писателей, а одной из привилегий «членства» являлась возможность отовариваться книгами на втором этаже. Там нередко можно было разжиться «дефицитом». Во всяком случае, для меня это было самым привлекательным в статусе «члена». Отсюда и моя единственная попытка стать им.

Порядки на втором этаже были строги. Стражи в лице памятных многим писателям Киры Викторовны и Олега профессионально отсекали чужеродный несоюзный элемент. Хотя я помнил и более либеральные времена, двумя десятилетиями раньше, о чем свидетельствуют многие издания «Академии» в моей библиотеке. Работа велась таким путем: Юра внедрялся в книжный рай и исподволь показывал книги, которые могли бы меня заинтересовать. Если показанное издание приходилось мне по душе, я кивал счастливой головой, а то и сам с помощью мимики «наводил» Юру на желаемый томик. Пока шла упаковка и лясоточение, мне иногда удавалось выбить чек и благополучно, на глазах у Киры и Олега, уйти с покупкой. В начале девяностых я и сам на правах «члена» стал свободным посетителем заветного второго этажа. И с Кирой Викторовной, и с Олегом у меня сложились самые лучшие отношения. Правда, последние десять лет посещения лавки происходят в отсутствие Юры.

Иногда Юра, если удавалось, печатал мои стихи довеском к своим материалам. Так появилась моя подборка в «Независимой газете» в феврале девяностого второго года. В день выхода газеты текст моих стихотворений передавали радиостанции «Эхо Москвы» и «Свобода». Во всяком случае, ссылаюсь

на людей, зафиксировавших это событие собственными ушами. В частности, на Александра Иванченко. Мне самому, увы, редко везло услышать собственные стихи в эфире и отзывы о них. А ведь были...

Самый большой успех выпал на долю Юриной статьи, напечатанной в «Известиях». История с этой статьей происходила на моих глазах. «Валюша, подъезжай к памятнику Пушкину. Кое-что покажу». Находим свободное место. Он дает мне внушительную пачку, страниц шестьдесят на машинке: «Читай». Медленным залпом просматриваю Юрину работу. Оценку этой статье могли дать все прочитавшие номер газеты «Известия», где она вскоре была опубликована. Правда, с большими сокращениями.

Юра отнес ее в «Известия», кажется, в пятницу, с ней ознакомились и курьер тотчас повез Юрино детище на дачу к главному редактору Голембиовскому. И уже в начале следующей недели Юра проснулся знаменитым. Говорили, что статья была подана Ельцину. Не знаю, как он ее оценил, да и читал ли? После этого Юра стал гостем передачи Андрея Черкизова «Герой дня». Все-таки, какая радость — наблюдать за успехом близкого человека! Но, увы...

Юра готовил книгу публицистики, куда полностью должна была войти его нашумевшая статья. Получил гонорар. Съездил в дом творчества «Переделкино». Вскоре слег в больницу. Думали, ненадолго... А через несколько дней позвонила Люся: «Валя! Юра умер». Не буду описывать все, что связано с похоронами. Я это не подыму.

С максимальным счетом в пользу смерти
Страшная закончилась игра.
И лежишь ты в гробовом конверте
Легче голубиного пера.
И в виду всего земного шара,
Посланная, словно на убой,
Крестится Жирмунская Тамара,
На коленях стоя пред тобой.

Каждое утро, просыпаясь, первое, что я вижу, это лицо Юры. Большая фотография под стеклом на книжной полке. Толстовской полке. Рядом икона Казанской Божьей матери. Доброе утро, Юра.

